

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

Л. А. Ключина

Философско-культурологический смысл понятия «логос» в «Лекциях по античной философии» М. К. Мамардашвили

Научной новизной работы является выявление автором философско-культурологического смысла понятия «логос» в «Лекциях по античной философии» М. К. Мамардашвили. Понимая философию как практику самосозидания человека, Мамардашвили трактует логос как «производящее слово», обозначающее возможность организации ситуации понимания смысла средствами философского языка. Общим моментом в трактовке понятия логоса у Мамардашвили и у В. В. Бибихина является понимание логоса в качестве целостности философского языка, посредством которого осмысливается и возобновляется опыт трансценденции в культуре.

Ключевые слова: Гераклит, «Лекции по античной философии» М. К. Мамардашвили, Логос, «производящее слово», трансценденция, язык философии.

L. A. Klyukina. Philosophical and culturological meaning of the notion 'logos' in Merab Mamardashvili's "Lectures on Ancient Philosophy"

This article owes its novelty to the author's examination of the notion 'logos' in Merab Mamardashvili's "Lectures on Ancient Philosophy" and discovery

of its philosophical and culturological meaning. Seeing philosophy as a practice of a person's self-realization, Mamardashvili interprets logos as 'the bearing word', in a sense that it 'bears' the possibility of organization of the situation of understanding the meaning by using various instruments of the philosophical language. There is one similarity between M. K. Mamardashvili's and V. V. Bibikhin's interpretation of logos. Both philosophers understand logos as the entirety of the philosophical language, by means of which the experience of transcendence in culture is conceptualized and reproduced.

Keywords: *Heraclitus, "Lectures on ancient philosophy" M. K. Mamardashvili, Logos, 'the bearing word', transcendence, language of philosophy.*

Курс лекций по античной философии М. К. Мамардашвили был прочитан в 1979—1980 гг. во Всесоюзном государственном институте кинематографии. Тексты этих лекций были записаны автором на магнитофон. Впервые эти лекции были опубликованы уже после смерти автора в 1999 году под названием «Лекции по античной философии». Мамардашвили поставил перед собой задачу: прочитать свой курс так, чтобы у слушателей сложилось представление о *реальной* философии, являющейся не теоретической философией как учение о системах, но «философией, которая закодирована в некоторых условиях сознательной человеческой жизни (в той мере, в какой она реализуется как сознательная жизнь)» [7, с. 23]. В своих лекциях Мамардашвили много внимания уделил проблеме становления философского сознания в античной культуре. Для понимания этой проблемы, с точки зрения мыслителя, необходимо уяснить смысл основных понятий античных философов. Среди этих понятий особую теоретико-методологическую значимость имеет понятие «логос» в ранней греческой философской мысли. Мамардашвили, сохраняя значение понятия логоса в классической философской традиции, предлагает еще одну новую коннотацию данного слова-понятия, а именно: логос как «производящее слово». **Понятие логоса — «производящего слова»** в античной философии Мамардашвили раскрывает, обращаясь к интерпретации артефактов культуры XX века. В этой связи целью данной статьи является исследование философско-культурологического смысла понятия «логос» в «Лекциях по античной философии» М. К. Мамардашвили. Именно в такой формулировке данный вопрос в отечественной науке не исследован.

Для уяснения специфики философии сознания Мамардашвили и ее самобытности использовались труды В. В. Калиниченко [3], В. А. Конева [5], Н. В. Мотрошиловой [8], А. М. Сергеева [9], В. Ю. Файбышенко [11]. Авторы сходятся на том, что сознательный опыт Мамардашвили интерпретировал как опыт самопонимания в различных историко-культурных контекстах. Исследование точки зрения Мамардашвили на проблему функционирования сознания в культуре проводилось на основе работ А. Л. Доброхотова [2], А. М. Сергеева [9], а также автора данной статьи [4]. В качестве методов исследования были использованы философский и сравнительный анализ текстов.

Слово λόγος в греческом языке означало «слово» и происходило от λέγειν – говорить [10, с. 20]. Русский философ С. Н. Трубецкой в своей фундаментальной работе, посвященной эволюции понятия логоса в античной и христианской культуре, писал, что уже греческие прозаики от Кадма и Гекатея Милетского до Геродота противопоставили логос мифу, как истину выдумке [10, с. 20—21]. Трубецкой также отмечал, что в древнегреческой философии смысл термина «**логос**» определился не сразу. Однако, по его мнению, «уже ранняя греческая философия приобрела характер анти мифологический, противопоставляя мифу и эпосу «разумное слово» о природе вещей: здесь слово, или логос, означает *рассуждение*» [10, с. 21]. Мамардашвили также обращал внимание на противопоставление мифа и логоса в античной философской традиции. С его точки зрения, понятие **логос** в качестве философского понятия впервые ввел в употребление Гераклит. В своих лекциях Мамардашвили обосновывал мысль, что «логос» Гераклита — это не слово, предполагающее конкретный объект, а условие, возможность существования смысла: «Настоящий смысл не есть смысл прямого утверждения» [7, с. 46]. В истории философии неоднократно подчеркивалась многозначность понятия **логоса** у Гераклита. Гераклит называл логос словом, мировым законом, единым, а чаще использовал пары противоположностей. «Гераклит говорит, что все делимое неделимо, рожденное нерожденно, смертное бессмертно, Слово — Эон, Отец — Сын, Бог — справедливость: «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно»» [12, с. 199]. Мамардашвили считал, что Гераклит использовал противоположности, чтобы освободить мышление от наглядного предметного языка,

так как «собранное, соединенное как логос, отлично от всех частей, составляющих его» [7, с. 63]. Чтобы пояснить мысль Гераклита, Мамардашвили обращается к феноменологии мыслителя XX века Э. Гуссерля. Он приводил пример Гуссерля с кубом и утверждал, что невозможно видеть куб физическим зрением со всех сторон с одной точки. Возможно только понимание идеи куба как мысли о кубе [7, с. 53]. Поэтому Мамардашвили предлагает следующее содержание понятия **логоса** у Гераклита: «Первичный смысл Логоса — собрание всего того, что знаем мы или не знаем, относится к делу» [7, с. 59]. Логос древнегреческих философов, по мысли Мамардашвили, есть понимание бытия или мышление о бытии, которое, как утверждал Парменид, совпадает с самим бытием. Мамардашвили акцентирует внимание на том, что досократики выделяли мир бытия и мир мнения, мир истины и повседневности. Бытие едино, не возникает и не исчезает, неподвижно у Парменида и находится в становлении у Гераклита. Логос есть знание о бытии как об упорядоченном целом, как о космосе, поэтому это божественный разум, который люди, по мнению Гераклита, не понимают. «Эту вот Речь (Логос), сущую вечно, люди не понимают и прежде, чем выслушать [ее], и выслушав однажды. Ибо, хотя все [люди] сталкиваются напрямую с этой вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [ее], даром что узнают на опыте [точно] такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя [их] согласно природе [=истинной реальности] и высказывая [их] так, как они есть. Что ж касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому как этого не помнят спящие» [12, с. 189]. Мамардашвили разъясняет мысль Гераклита следующим образом. Мир бытия и мир повседневности не существуют отдельно друг от друга. Мир повседневности – это результат психологического опыта. Мамардашвили под психологией понимает опыт, который «целиком определяется разрешающими возможностями нашего восприятия» [7, с. 48]. В качестве примера он приводит работу журналиста, который выстраивает сообщение о событии согласно журналистской логике, превращая событие в сенсацию. В человеческом мире могут быть созданы условия, при которых смысл события не может быть воспринят в качестве такового. Чтобы истина была узнанной, необходимо создать условия ее понимания. Греческие философы, с точки зрения Мамардашвили, создали особую культуру мыш-

ления для восприятия истины и назвали ее философией. Философские понятия как раз и создают горизонт понимания, который греки называли бытием. Однако философские понятия не имеют референтов в виде предметов, они воспроизводят ситуацию понимания сознания. Именно такую функцию выполняет в греческой мысли понятие логоса, обозначающее условие мышления, само по себе являющееся принципиально неаналитичным, так как осознание мысли происходит вместе с воспроизводством самой мысли. Мамардашвили считал, что это условие греческие мыслители принимали как факт и грамотно этот факт описали и зафиксировали в понятиях логоса, бытия, космоса [7, с. 73]. Далее философ отмечает, что в греческой философии смыслы разветвляются: первичный смысл логоса Гераклита обозначается у Аристотеля не словом «логос», а словом «топос». «Логосом» Аристотель называл свойство суждений [7, с. 61]. В пояснениях Мамардашвили топос — это явление, которое не является частью другого целого [7, с. 61] Такое нечто полностью актуально развернутое и неделимое он называет бытием [7, с. 66]. В досократической философии не было представления о трансцендентности бытия, которое оформляется в философии Платона. У Гераклита **логос** — это божественный огонь, т. е. сама природа. По Гераклиту человек уже приобщен к **логосу**, но воспринимать его мешает субъективность: «Глаза и уши — дурные свидетели для людей, если души у них варварские» [12, с. 193]. Мамардашвили демонстрирует идею Гераклита о том, что необходимо сосредоточиться не на предметности мышления, но на том, что порождает предмет, на примерах, где Гераклит отождествляет логос с законом. «Кто намерен говорить [«изрекать свой логос»] с умом, те должны крепко опираться на общее для всех, как граждане полиса — на закон, и даже гораздо крепче. Ибо все человеческие законы зависят от одного, божественного: он простирает свою власть так далеко, как только пожелает, и всему довлеет, и [все] превосходит» [12, с. 197]. Мамардашвили интерпретирует логос-закон Гераклита как «закон законов», условие производства законов и жизненную потребность жить по закону [7, с. 79]. Логос-закон Гераклита в этом смысле понимается им связью противоположностей, актуального и потенциального, общего и частного, эстетического и этического, т. е. гармонией. А. Ф. Лосев считает, что идея логоса-закона Гераклита усиливается в творчестве Платона и

дополняется идеей логоса-гармонии: «Вся платоновская эстетика, основанная на свободной стихии света и его вечного самоизлучения, на стихии любви, на пристальном и страстном созерцании всякого рода пластической фигурности, в то же самое время пронизана упорнейшей верой в закон бытия, в обязательную непреодолимую *закономерность* жизни, в такую ее упорядоченность, которая не допускает никаких исключений» [6, с. 265]. Мамардашвили показывает, что идея гармонии максимально проявляется в ранней греческой философии как способ понимания оппозиции «бытие — ничто». В понятии «ничто» он описывает способность человека к трансцендированию, в результате которого появляется сам человек, его человеческие состояния. «Ничто» понимается им как «возможность чего-то другого» [7, с. 65]. «А поиск возможного предполагает выпадение из стереотипов, из привычно сцепившихся связей (в том числе привычек мышления, привычек культуры) – из знаковых культурных систем» [7, с. 67]. Поэтому «ничто» Мамардашвили также отождествляет с идеей свободы, осмысленной греческими философами в понятии «диалектика». Только в диалоге, где сталкиваются противоположные мнения, можно обнаружить «явление, само не являющееся выводимым членом или элементом какой-либо непрерывной причинной связи» [7, с. 35]. Это «самоосновное явление» есть условие мышления и высказывания о чем-то, появляющееся в ходе самого мышления и разговора. Мамардашвили такую смыслопорождающую конструкцию называл логосом, «производящим словом»: «Логос — производящее слово, внутри которого или в топосе которого что-то возникает в нас, в том числе возникают акты понимания чего-то другого, а именно: в людях, самой конструкцией слова как Логоса порождаются акты понимания природы (фюзиса). Природа становится зримой, прозрачной или понятной» [7, с. 70].

По признанию самого Мамардашвили, это новое значение понятия логоса является модернизацией [7, с. 70]. В античной культуре отсутствовало личностное измерение. Однако Мамардашвили при чтении своих лекций исходил из пропедевтического правила, что философия – это не представления людей о мире, а способ самосозидания человека, захваченного «желанием быть» [7, с. 11]. Свой опыт философствования он также осуществлял в виде практики самопонимания. В. Калиниченко утверждал, что в работах Мамардашвили

наблюдается определенное смещение в трактовке понятий «классическое» и «неклассическое» «в сторону от привязки их к историческому времени — к выявлению архетипической «встроенности» классики в неклассический опыт» [3, с. 259], что было связано с опытом самоосмысления философа. Чтобы актуализировать учение о **логосе** античной философии Мамардашвили сопоставляет его с идеей о «производящем произведении» эстетики XX века, выраженной в романах У. Фолкнера, Дж. Джойса, М. Пруста. Настаивая на том, что «мысль не предшествует «выражению»» [7, с. 70], он описывает новый жанр, созданный вышеназванными писателями. Роман является «производящим произведением» в том смысле, что он не отображает реальность, но конструирует ее, т. е. роман конструирует мир эффектов, через отношение к которым автор романа начинает что-то понимать о себе и изменяться. То же самое происходит и с читателем романа [7, с. 82]. Особую значимость для Мамардашвили имеет роман М. Пруста «В поисках утраченного времени», размышление над которым изложено в его отдельной книге «Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени»». «Для него роман Пруста — не полигон философских испытаний, а книга-жизнь, книга-судьба» [2, с. 358]. Пруст посредством своего романа пытался понять смысл своей жизни под знаком вечности, т. е. обрести утраченное время. С точки зрения А. Л. Доброхотова, новым в толковании Пруста у Мамардашвили было то, что он представил роман «одним гигантским по длительности и массе вовлеченных в него образов актом “когито”» [2, с. 360]. «Топология этого пути самосознания осуществляет то, что не может быть выведено из дедуктивных процедур: из объекта, включенного в поток событий и переживаний и претерпевающего то, во что вовлек его континуум «потерянного времени», читатель вместе с автором становится (если сумеет) субъектом, сознанию которого принадлежит время, зависящее теперь от смыслополагающего действия автора» [2, с. 360]. В лекциях по античной философии Мамардашвили развивал мысль о том, что возобновление акта когито связано со способностью человека «зановомиротворения» [7, с. 108], организации ситуации понимания смысла, а не ее объектного описания. Чтобы сделать это, человеку необходимо на чем-то сосредоточиться, нужны какие-то артефакты: произведения искусства или философские тексты, интенционально воздейству-

ющие на человека и вызывающие состояния трансцендирования. Именно такую функцию, по его мнению, выполняет **логос** Гераклита как «производящее слово», слово, которое производит человеческие состояния в человеке, т. е. самого человека.

В. В. Биbihин, ссылаясь на мысль М. Хайдеггера о **логосе** Гераклита как о трансценденции, считает, что приблизиться к пониманию логоса можно только путем веры. «Гераклит не зря напоминает о вере (πίστis), которая необходима для познания божественного по той причине, что это последнее «ускользает от познания из-за своей невероятности». Логос не имеет отношения к обобщающе-абстрагирующей рационализации сущего» [1, с. 135]. Биbihин акцентирует мысль Хайдеггера о том, что до того, как человек уже что-то понял, осмыслил, изобрел или был чем-то захвачен, пространство, в котором он все это осуществлял и осуществляет, устроено не им. Мир уже дан человеку как целое до того, как он стал мыслить о нем. На семинарах, проведенных вместе с его учеником Е. Финком, Хайдеггер развивал мысль о том, что необходимо реконструировать первоначальную мысль о логосе, обращаясь к методу этимологизирования. Логос (λόγος) Гераклита Хайдеггер сначала переводит как «слово», но затем, чтобы отличить его от логики как учения о высказываниях, переводит как «сбор» от слова λέγειν («собирать») [13, с. 327] и определяет его следующим образом: «Λόγος, о котором говорит Гераклит, будучи собиранием и средоточением, будучи тем единым, которое соединяет всё, не является каким-то качеством внутри сущего. Этот Λόγος есть исконное со-средоточение, которое хранит сущее как таковое. Этот Λόγος есть само бытие, в котором бытийствует всякое сущее» [13, с. 340—341]. Осмысление логоса, по Хайдеггеру, есть размышление о бытии посредством обращения к древнему языку, в котором как бы уже схвачено и охвачено бытие как целое. Вслушиваясь в язык, человек может взаимодействовать с бытием как целым и упорядочивать свое существование путем включения присутствующей в языке целостности в пространственно-временные параметры своей жизни. Однако Хайдеггер утверждает, что полнота языка не дана человеку, он может приобщаться к ней в особые мгновения своей жизни, связанные с попытками понять себя [13, с. 341—342].

Биbihин интерпретирует **логос** как сосредоточенный смысл, всегда ускользающий и правящий по способу молнии и сам являю-

щийся молнией, так как ситуация понимания чего-либо описывается им как «озарение» [1, с. 135]. Озарение не относится к предметности сознания, оно есть ничто, из которого сознание рождается. Опыт трансценденции Биbihин понимает как мышление о границе, которая постоянно отодвигается, которая всегда есть что-то новое, неузнанное [1, с. 147]. Озарение невозможно запланировать и держать под контролем, к встрече с ним нужно быть готовым, чтобы не пропустить его. Главной задачей человека Биbihин считает отношение к опыту трансценденции. Поскольку потустороннее не существует, человеку необходимо осмыслить проблему «ничто», проблему «отсутствия» Бога и человека в новоевропейской картине мира [1, с. 143—158]. Проблема «отсутствия» человека заключается в том, что современный человек не умеет быть самим собой, так как он, мыслящий мир как целое, не узнает в этом мире себя как создателя картины мира. Хайдеггер впервые предпринял попытку объяснить феномен человеческого существования через аналитику человеческого бытия. Философия, по Хайдеггеру, должна переосмыслить проблему бытия, чтобы вернуть человека к его сущности, к утерянной почве. Знание об этой утерянной почве хранит язык искусства, особенно поэзии. В этой связи Биbihин считает, необходимо сделать предметом исследования язык философии, чтобы отделить метафизический смысл понятий от их первоначального религиозного и экзистенциального значения. Поэтому он утверждает, что до всякой интерпретации человек уже должен принять **логос** Гераклита как мысль о бытии, о целом и уловить, какие изменения произвело это знание в его мышлении, и найти себя на картине мира.

Трудно сказать, был ли знаком Мамардашвили с работой «Гераклит» Хайдеггера на немецком языке, в своих лекциях он не ссылается ни на эту его работу, ни на какую-то другую, хотя при работе над материалами лекций он пользовался иностранной литературой. Сравнивая трактовку понятия **логоса** Гераклита у Мамардашвили и у Биbihина, можно выявить, что логос и у того, и у другого обозначает ситуацию организации мышления о **бытии**, о человеческом **бытии**. Биbihин рассматривает логос как мысль о целом, включающем также и мысль мыслящего о себе. Взгляд Биbihина ретроспективен, реконструкцию целого человек должен начинать с веры в то, что он уже приобщен к историческому опыту человечества.

Мамардашвили акцентирует внимание на значении логоса как «производящего слова» в контексте неклассической философии. Он рассматривает бытие как бытие в становлении, а не как нечто завершенное. Бытие мира – это понимание мира человеком как целого и своего места в мире. Поиск своего места в мире у него всегда связан с актуализацией прошлого. Как отмечает Сергеев, понятие «полное бытие» Мамардашвили заменяет на понятие «полного действия» («зановомиротворения»), снимая тем самым положение о трансцендентности бытия [9, с. 148]. Речь идет о ситуациях, когда познающий формирует в процессе теоретического мышления идею, которая в то же время может рассматриваться и смыслом его экзистенциального состояния. К такому пониманию можно прийти, осуществив редукцию содержательной стороны жизни. Этого можно достичь, представив тексты сознания в виде текстов культуры, а опыт интерпретации этих текстов как опыт трансцендирования, опыт самопонимания. Значительная роль в конституировании таких текстов в культуре принадлежит философии. Философские понятия не являются результатом спонтанного функционирования сознания, а создаются специально философами. Философские понятия способствуют введению человека в состояние понимания, без которого он не может осуществить самоопределение [4, с. 44]. Особую культуругенную функцию философии Мамардашвили и выражает в понятии логоса «производящего слова». В понятии **логоса** он выражает постоянно возобновляемый диалог человека и мира, посредством которого является новое отношение к бытию, его выражению в языке и восприятию в художественных образах.

Библиографический список

1. Бибахин В. В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007. 389 с.
2. Доброхотов А. Л. Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 472 с.
3. Калиниченко В. Понятие «классического» и «неклассического» в философии М. К. Мамардашвили // Встреча с Декартом: Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили. М.: Ad Margenem, 1996. С. 259—284.
4. Ключкина Л. А. Феноменологическая стратегия исследования оснований русской культуры: в 3 ч. Ч. I: Метатеоретический подход М. К. Мамар-

дашвили и А. М. Пятигорского к исследованию сознания и культуры. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. 85 с.

5. Конев В. А. Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание». Самара: Самарский университет, 2008. 156 с.

6. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М.: Искусство, 1974. 600 с.

7. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: «Аграф», 1999. 320 с.

8. Мотрошилова Н. В. Мераб Мамардашвили. Философские размышления и личностный опыт. М.: Канон; Реабилитация, 2007. 320 с.

9. Сергеев А. М. Россия и мир (культура — философия — метафизика). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. 194 с.

10. Трубецкой С. Н. Учение о логосе в его истории. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2000. 492 с.

11. Файбышенко В. Ю. Встреча с феноменом: воплощение и развоплощение. О некоторых чертах феноменологического проекта М. К. Мамардашвили // Международный журнал исследований культуры: Границы субъективности. 2013. № 3 (12). URL: <http://culturalresearch.ru/ru/curr-issue>. (дата обращения: 10.08.2018)

12. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 575 с.

13. Хайдеггер М. Гераклит / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2011. 502 с.

References

1. Bibihin V. V. *Yazyk filosofii* [Language of philosophy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 389 p. (In Russ.)

2. Dobrohotov A. L. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego» Publ., 2008, 472 p. (In Russ.)

3. Kalinichenko V. *Ponyatie «klassicheskogo» i «neklassicheskogo» v filosofii M. K. Mamardashvili* [The notion of “classical” and “nonclassical” in philosophy M. K. Mamardashvili]. *Vstrecha s Dekartom. Filosofskie chteniya, posvyashchennye M. K. Mamardashvili* [Meeting with Descartes. Philosophical readings devoted to M. K. Mamardashvili]. Moscow, Ad Margenem Publ., 1996, pp. 259—284. (In Russ.)

4. Klyukina L. A. *Fenomenologicheskaya strategiya issledovaniya osnovanij russkoj kul'tury [v 3 ch.] Ch. I: Metateoreticheskij podhod* M. K. Mamardashvili i A. M. Pyatigorskogo k issledovaniyu soznaniya i kul'tury [Phenomenological strategy of the study of the foundations of Russian culture: [in 3 parts] Part I. Metatheoretical approach M. K. Mamardashvili and A. M. Pyatigorsky to the study of consciousness and culture]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU Publ., 2018, 85 p. (In Russ.)

5. Konev V. A. *Kritika opyta soznaniya: Samarskie seminary po traktatu M. K. Mamardashvili i A. M. Pyatigorskogo «Simvol i soznanie»* [Criticism of the experience of consciousness: Samara seminars on the treatise M. K. Mamardashvili and A. M. Pyatigorskiy "Symbol and Consciousness"]. Samara, Samarskij universitet Publ., 2008, 156 p. (In Russ.)

6. Losev A. F. *Istoriya antichnoj ehstetiki. Vysokaya klassika* [The history of ancient aesthetics. High classics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974, 600 p. (In Russ.)

7. Mamardashvili M. K. *Lekcii po antichnoj filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Moscow, Agraf Publ., 1999, 320 p. (In Russ.)

8. Motroshilova N. V. *Merab Mamardashvili. Filosofskie razmyshleniya i lichnostnyj opyt* [Merab Mamardashvili. Philosophical reflections and personal experience]. Moscow, Kanon + ROOI «Reabilitaciya» Publ., 2007, 320 p. (In Russ.)

9. Sergeev A. M. *Rossiya i mir (kul'tura — filosofiya — metafizika)* [Russia and the world (culture - philosophy – metaphysics)]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., 1997, 194 p. (In Russ.)

10. Trubeckoj S. N. *Uchenie o logose v ego istorii* [The doctrine of the Logos in its history]. Moscow, OOO «Izdatel'stvo AST»; Har'kov «Folio» Publ., 2000, 492 p. (In Russ.)

11. Fajbyshenko V. Yu. *Vstrecha s fenomenom: voploshchenie i razvoploshchenie. O nekotoryh chertah fenomenologicheskogo proekta M. K. Mamardashvili* [Meeting with the phenomenon: incarnation and disembodiment. Some features of the phenomenological project M. K. Mamardashvili]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury: Granicy sub'ektivnosti* — International Journal of Cultural Studies: The Limits of Subjectivity, 2013, no. 3 (12). (In Russ.) Available at: <http://culturalresearch.ru/ru/curr-issue>. (accessed 10.08.2018)

12. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Ch. I. Ot ehphicheskikh teokosmogonij do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of the early Greek philosophers. Part I. From epic thekosmogony to the emergence of atomism]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 575 p. (In Russ.)

13. Hajdegger M. *Geraklit* [Heraclitus]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2011, 502 p. (In Russ.)